

УДК 94(47)

**«КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ...»:
ФРАНЬО ТУДЖМАН ГЛАЗАМИ ХОРВАТСКИХ ИСТОРИКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА REVIEW OF CROATIAN HISTORY)**

© 2019 г.

С.В. Кузнецова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

kuznetsova.s.v@gmail.com

Поступила в редакцию 02.09.2019

Историописание независимой Хорватии неразрывно связано с именем Франьо Туджмана, ее первого президента. В работах постюгославских, прежде всего сербских, историков, их западных коллег и российских исследователей ему в вину ставятся радикальный национализм, распад Югославии и ужасы сопутствующих военных конфликтов. Среди его адвокатов выделяются авторы журнала *Review of Croatian History*, издаваемого Хорватским институтом истории. Анализ их работ позволяет составить представление об историографическом нарративе, который создается о Туджмане в Хорватии в последние десятилетия.

Ключевые слова: историческая политика, Хорватия, Франьо Туджман, страны бывшей Югославии.

Падение коммунистических федераций в 1990-е гг. ознаменовалось составлением квази-романтических национально-исторических нарративов, при этом в странах бывшей Югославии сражения былых времен прямо перетекали в новые военные действия. Различались и задачи историописания: если сербы или хорваты уже обладали сложившейся «национальной традицией», и речь здесь шла о ее «возвращении» и «восстановлении» или о расправе с коммунистической мифологией, то мусульмане Боснии и Герцеговины (БиГ) оказались в самом начале конструирования нарратива. В любом случае обращение к истории означало мобилизацию идентичности в условиях военного времени.

Официальной доктриной второй Югославии являлась концепция «братства и единства» ее народов, которая нивелировала национальные различия в этнически пестром государстве, тогда как национализм считался угрозой социалистическому содружеству и замещался государственным патриотизмом. Одним из вариантов посткоммунистической ревизии стала презентация национализма в качестве созидательной и демократической силы, а югославского патриотизма – как средства подавления национального достоинства в угоду авторитарной власти. Такой путь был выбран хорватскими элитами, которые увязали историю обретения независимости с кровопролитными событиями 1991–1995 гг., названными ими Отечественной войной (*Domovinski rat*). Как отмечает канадский исследователь М. Биондич, в Хорватии «политика коллективной памяти, возможно, была более про-

блематичной, чем в любой другой бывшей югославской республике» [1, р. 54].

Автор этносимволистской концепции в исследованиях национализма Э. Смит утверждал в 1990-х, что всякая нация стремится представить свою историю «драмой спасения» («*drama of salvation*») [2, р. 177–178]. В случае Хорватии можно говорить о драме обретения независимости. В 1102 г. хорватское королевство заключило соглашение с венгерской короной и вошло в состав ее владений, но это не привело к растворению хорватской культуры и памяти об историческом прошлом, восходящем к VII в., переселению славян на Балканы и первым упоминаниям о хорватах у византийских авторов. Апеллирование к тысячелетней истории и некогда существовавшему независимому королевству стало неотъемлемой частью национальной риторики XIX–XX вв. Хорваты подчеркивали свою принадлежность к католическому вероисповеданию и западноевропейской культуре. После Второй мировой войны и образования новой Югославии (ФНРЮ/СФРЮ) хорватские интеллектуалы взяли курс на отвлечение внимания от преступлений усташей, указывая на участие хорватов в коммунистическом Сопротивлении под руководством Йосипа Броза Тито. Послевоенное движение по защите национальных интересов вылилось в «хорватскую весну» 1968–1972 гг., неудачную попытку отделения от Югославии. Все это, вместе взятое, как утверждает американский балканист С. Майсторовиц, стало историческим стержнем современной хорватской идентичности [3, р. 175–176].

Как и любая инсценировка, «драма спасения» немислима без действующих лиц, национальных героев. Так, утверждение «нарратива независимости» связано с именем Франьо Туджмана, первого президента независимой Хорватии. Генерал Югославской национальной армии (ЮНА), историк и лидер некоммунистической хорватской оппозиции, он стал инициатором политики по переработке хорватского прошлого [1, р. 54–55, 71–73]. Как указывает А.А. Пивоваренко, Туджману посвящено множество работ академического и популярного характера, но в целях создания образа борца за хорватскую независимость его биография постоянно мифологизируется [4, с. 596–608].

Существует мнение, что если бы Туджман не скончался в декабре 1999 г., то он оказался бы на скамье подсудимых Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) [5, р. 249]. В некоторой степени Туджман предстал перед судом, но не уголовным, а профессиональных историков. В работах постюгославских, прежде всего сербских, авторов, их западных коллег и российских исследователей в вину Туджману ставят радикальный национализм, антисемитизм, проушашские позиции, распад Югославии и ужасы сопутствующих военных конфликтов. Другими лицами в этом «судебном процессе» выступают его защитники – авторы журнала *Review of Croatian History* [6], выпускаемого с 2005 г. Хорватским институтом истории, бывшим Институтом истории рабочего движения, в 1961–1967 гг. возглавлявшимся Туджманом. Статьи, публикуемые здесь, представлены на английском и, реже, на немецком и французском языках, что позволяет говорить о стремлении распространять предлагаемые взгляды в международном научном сообществе и сформировать определенное отношение к хорватской истории. Журнал выходит раз в год, и к настоящему времени насчитывает 14 выпусков. Хронологические рамки не ограничены определенным периодом. Среди многочисленных публикаций 7 статей посвящены непосредственно оценке деятельности Туджмана. Авторы этих публикаций Ю. Кришто, И. Лучич, Р. Скендрович, Д. Кнежевич и Й. Михальевич – профессора Хорватского института истории (Загреб). Знакомство с их работами позволяет составить вполне ясное представление о том, какой историографический нарратив о первом президенте создается в Хорватии в последние десятилетия. Особняком в данном ряду стоит Дж. Садкович, американский историк хорватского происхождения, автор монографии «Туджман, первая политическая биография» [7]. Он является наиболее последовательным

защитником Туджмана, и несколько его работ, опубликованных в *Review of Croatian History*, в полной мере соответствуют политике редакции и Института истории, определяющих содержание исторической мысли в современной Хорватии.

Садкович убежден, что негативный образ первого президента и Хорватии в целом был сформирован в начале 1990-х гг. западными журналистами и исследователями, которые не имели достоверной информации о событиях, происходивших в бывшей Югославии, были подвержены влиянию старой югославской историографии и в результате превратили Туджмана в «главный символ опасного хорватского национализма» [5, р. 249]. Он пишет: «Запад должен был поверить, что Туджман и хорваты были такими же плохими, как Милошевич и сербы; в противном случае западные демократии и ООН были замешаны в агрессии против ни в чем не повинных народов...» [5, р. 261]. Сравнение хорватского и сербского лидеров в контексте обвинений последнего, выдвинутых ему МТБЮ в мае 1999 г., означало признание сходной вины первого. Сербские исследователи и их российские коллеги, напротив, настаивают, что позиция западных медиа была в основном прохорватской, промусульманской и антисербской [8, с. 25–26].

Самым активным пропагандистом негативного образа Туджмана Садкович называет американского журналиста Роберта Каплана [9], который презентовал хорватского лидера как представителя возрожденного ушашества и убежденного антисемита. Вместе с тем, как указывает историк, его повествование отличается однобокостью: например, он воздерживался от «обсуждения четничества или коммунистических зверств как во Второй мировой войне, так и в начале 1990-х гг.» [5, р. 263]. Садкович подчеркивает, что свидетельства Каплана недостоверны, так как он, не владея хорватским языком, использовал вторичную информацию из неблагонадежных источников. Опровержения, последовавшие с хорватской стороны, не имели широкого распространения, политики и общественность США, не были знакомы с ними и читали Каплана [5, р. 264].

Садкович убежден, что, несмотря на признание Слободана Милошевича виновным в развязывании военных конфликтов, отношение западных журналистов к сербской стороне было более благоприятным в сравнении с восприятием Туджмана и хорватов, так как пресса часто заимствовала сюжеты сербской пропаганды. Он объясняет это тем, что югославская историография имела очень прочные позиции, и в ней хорватские лидеры традиционно представля-

лись сепаратистами или союзниками Оси, а неудачные попытки реформ, предпринятые в Хорватии в 1970-е гг., оценивались как проявление враждебного национализма, что дополнительно дискредитировало хорватов [10, р. 9]. Более того, как считает Садкович, Сербия имела заведомо выигрышное положение, потому что являлась союзницей Запада в мировых войнах [5, р. 267]. Действительно, в Первой мировой войне она пострадала от агрессивных действий Австро-Венгрии, вошла в состав Антанты и оказалась в числе победителей. Затем во Второй мировой войне изгнанная правящая династия Карагеоргиевичей нашла приют в Лондоне, а ориентированное на нее четническое Сопротивление являлось преимущественно сербским. Однако Садкович явно преувеличивает «благодарность» западных держав. Конечно, Сербия не рассматривалась Англией и Францией как равный им партнер, поэтому статус победительницы был в большой степени формальным. В ходе Второй мировой войны отношение антигитлеровской коалиции к четникам изменилось ввиду их конфликта с партизанским движением Тито и тактического коллаборационизма. Вместе с тем, любые исторические оценки перевешивает тот факт, что 30 мая 1992 г. Совет Безопасности ООН под давлением западных дипломатий принял в отношении Югославии (Сербии и Черногории) Резолюцию № 757, в которой она в одностороннем порядке обвинялась в развязывании военного конфликта на территории БиГ, и против нее вводились жесткие санкции [8, с. 347–353]. Позднее при участии партнеров по НАТО происходило перевооружение армии боснийских мусульман и хорватов, а Хорватия получила разрешение на проведение военных операций против сербских анклавов на ее территории. Часто указывается и на политику «двойных стандартов» МТБЮ, который сконцентрировался на обвинениях против сербских фигурантов, в то время как лидер мусульман Алия Изетбегович и хорватский президент избежали преследований [11]. Иными словами, определение роли западных государств в распаде Югославии и предпочтений в пользу той или иной стороны конфликта зависит от того, кто этим занимается и какие цели он преследует. В глазах просербски настроенных лиц Запад поддерживал Хорватию и мусульман, их оппоненты, разумеется, считают иначе.

Безусловно, Туджман превратился в олицетворение хорватских грехов (или успехов) не только как лидер в борьбе за независимость Хорватии, но и как историк, пересмотревший печальные эпизоды ее прошлого. Туджман-политик в своих заявлениях опирался на идеи

Туджмана-историка, что сделало эти амплуа неотделимыми друг от друга. Во втором качестве Туджман известен как исследователь Второй мировой войны, в частности, оспоривший масштаб усташеских преступлений, что стало основанием для обвинений его в антисемитизме и фашизме.

Существует даже термин «туджманизм», который выражает «идею национального примирения» потомков враждовавших когда-то усташей и партизан для их объединения в борьбе за независимость Хорватии [12, р. 59]. Проанализировав исторические труды Туджмана, С. Джурашкович выделил два этапа формирования его взглядов. Первый из них – 1950–1960-е гг. Для него характерна «хорватизация» партизанской борьбы против фашистских захватчиков, которая проявилась в подчеркивании независимого характера хорватского партизанского движения в рамках общего движения под руководством Тито и в утверждении, что хорватское «домобранство» служило источником добровольцев, вступавших в ряды партизан. Появление усташества Туджман объяснил репрессивной диктатурой короля Александра Карагеоргиевича [12, р. 63–64]. Второй этап – 1970–1990-е гг. Ему свойственно окончательное оформление антисербской риторики: не только король, но и сербская элита и церковь были представлены угнетателями хорватов [12, р. 66–67]. Туджман также заявил, что четническое движение отличалось большим радикализмом, чем усташское, и выдвинул положение о неоправданном завышении числа жертв концентрационного лагеря Ясеновац: вместо сотен тысяч человек он заговорил о десятках тысяч [12, р. 72]. В этом контексте идея независимости была представлена как «древняя вековая мечта» («centuries-old-dream») [12, р. 71]. Так Туджман стремился «переписать хорватскую историю с хорватской точки зрения» [5, р. 277].

Защищая Туджмана, Садкович тем не менее соглашается, что он был националистом, но настаивает на отсутствии радикального содержания в его убеждениях. Негативные оценки объясняются им через отношение к национализму как в Югославии, так и в научном и общественном дискурсе [10, р. 13, 23]. Р. Скедрович в статье «Великие исследовательские авторитеты и малые нации – формирование исторических нарративов о Франьо Туджмане и Отечественной войне» специально помещает вопрос о восприятии хорватской независимости в контекст западной историографии по проблемам наций и национализма, которая в 1990-е гг. находилась под влиянием идей Э. Хобсбаума. Согласно известной классифика-

ции наций, выделяются ее западный, или прогрессивный, демократический, и восточный, иррациональный по своей сути, типы. Хобсбаум отнес хорватскую нацию ко второму типу как творение «мелкой буржуазии», которое противостояло югославизму, идеологии «более состоятельной буржуазии» [13, р. 120]. Он согласился с югославским историком М. Гросс в том, что хорваты представляли собой «нацию без национальности», так как знать скорее отождествляла себя со средневековым государством, быстро ставшим вассалом венгерской короны, а не со «своими» горожанами и крестьянами. Поэтому говорить о национальном сознании хорватов и, следовательно, об историчности их нации нельзя. В отношении сербов Хобсбаум, напротив, признал наличие у них протонациональных чувств [13, р. 74–76]. Скендрович убежден, что и поэтому действия Сербии против хорватов в 1991 г. сначала оценивались Западом как акция по спасению полиэтничной Югославии, а стремление к независимости – как сепаратизм, этнонационализм и шовинизм [14, р. 126–128]. Хорватский национализм со всеми приписанными ему свойствами был затем персонифицирован в фигуре Туджмана.

Манера оправдания Туджмана, которой придерживается Скендрович, совпадает со стратегией Садковича и в целом проста. Можно, с одной стороны, выделить концепцию «сговора» западных медиа, с другой – говорить об убеждении в предвзятости медийного и научного сообщества в отношении к Хорватии и их намеренном замалчивании дурных действий других участников югославского кризиса: сербов, мусульман, словенцев [14, р. 132; 10, р. 33]. Несомненное зло в создаваемом Садковичем оправдательном нарративе – сербы, и поэтому кажется любопытным его замечание, что словенцам, в отличие от хорватов, выпала удача остаться в стороне от конфликта не потому, что уровень их гражданско-правового развития был выше, чем у других югославских народов, но в силу отсутствия среди них «значительного сербского меньшинства» [10, р. 17]. Он считает, что сербские националисты основывали свои претензии на «антиисторической» идее, согласно которой Сербия существует там, где проживают сербы, а хорватские националисты – на исторических и «государственных» правах, концепция которых восходит к идеологии националистов-«правашей» конца XIX в. [5, р. 279]. Поэтому Туджман был готов идти на компромиссы в обсуждении положения соотечественников в новообразованных республиках, в то время как сербы и боснийские мусульмане предпочли силовое решение вопроса. Наиболее детально этот аспект

рассматривается при изучении так называемого раздела БиГ и хорватско-мусульманских столкновений 1993 г.

После окончания Первой мировой войны земли БиГ вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевства Югославия). После вторжения нацистов в 1941 г. они оказались включенными в усташское Независимое государство Хорватия (НГХ), а после освобождения Югославии – в Федеративную Народную Республику Югославия. В 1963 г. была создана Социалистическая Республика Босния и Герцеговина (СРБиГ) в составе СФРЮ. Следующим важным моментом стало получение боснийскими мусульманами статуса нации, а уже в Конституции Югославии 1974 г. провозглашалось, что БиГ – это республика братского сосуществования национальных общностей босняков, сербов и хорватов. Иными словами, СРБиГ представляла собой СФРЮ «в миниатюре».

Официальная пропаганда транслировала опыт тройственного добрососедства как повседневную реальность в Югославии в целом, и эта взаимная связь приобрела трагическую окраску в 1990-е гг. Вина за развязывание конфликта была возложена на Хорватию в лице ее президента. Судьями выступили западные медиа и исследователи, которые, как убеждены хорватские историки, чьи работы рассматриваются нами, имели устоявшуюся антихорватскую установку. Они приписывали Туджману нетерпимость к мусульманам и профашистские взгляды. Основанием для вынесения «приговора» стала встреча в Караджорджево в марте 1991 г., на которой Туджман и Милошевич обсуждали будущее БиГ. Утверждалось, что лидер Хорватии вынашивал идею возрождения Хорватской бановины, автономной провинции в составе Королевства Югославия в 1939–1941 гг., включавшей земли БиГ и затем вошедшей в состав НГХ, что создавало аллюзию на возрождение усташского государства [15, р. 238]. Принимая во внимания эти предубеждения, Садкович настаивает, что Туджман предлагал не раздел, а кантонизацию боснийского государства, в котором хорваты получили бы равные права с другими нациями [15, р. 224]. Эта идея не получила поддержки, так как сербская сторона стремилась к объединению земель, на которых проживают сербы, а босняки выступали за унитарное государство и все иные варианты устройства воспринимали как попытку «расчленения». Историк приходит к своему главному выводу о роли Хорватии в боснийском кризисе: «Только хорваты стремились к компромиссу с другими группами, чтобы достигнуть выхода из тупика» [15, р. 255].

Садкович убежден, что добрососедство трех народов СРБиГ осталось недостижимым идеалом и в реальности хорваты являлись меньшинством, испытывавшим притеснения со стороны сербов и мусульман. Например, к 1993 г. большинство хорватов были удалены из правительства и перестали влиять на принятие политических решений. По мере обострения ситуации становилось ясно, что военное столкновение неизбежно, но, как пишет Садкович, у боснийских хорватов не было «мотива и средств для разжигания войны ни против сербов, ни против мусульман», в то время как Изетбегович и другие мусульманские лидеры имели и то, и другое для атаки на области проживания хорватов. В этих условиях принятое Туджманом решение направить войска в БиГ кажется ему актом защиты хорватов от действий ЮНА [15, р. 214–215, 217]. Учитывая, что земли БиГ некогда входили в состав Хорватской бановины, Садкович отмечает, что Туджман руководствовался не идеей создания Великой Хорватии, но представлением об исторической и геополитической связи между районами проживания хорватов в СРБиГ и Хорватией [15, р. 237]. Так историк стремится изменить отношение западной аудитории к встрече в Караджорджево, на которой, как принято считать, была предпринята попытка сербско-хорватского «сговора» о судьбе БиГ. Например, М. Таннер, известный британский журналист, редактор электронного портала *Balkan Insight* [16], публикующего материалы Балканской сети журналистских исследований (BIRN), не допускает, что Туджман мог придерживаться другой идеи, кроме раздела: «Он принадлежал к поколению, которое выросло до выделения Боснии в 1945 г. и задолго до признания мусульман в качестве национальности в 1968 г. Как во время, так и после выборов 1990 г. он вернулся к теме о том, что Босния и Хорватия формировали историческое и географическое единство» [17].

В научном и политическом дискурсе босняков Туджман, как и Милошевич, остается главным виновником войны. Нарратив жертвенности играет здесь, пожалуй, ключевую роль, а отсутствие устоявшейся традиции позволяет совершать маневры и выстраивать повествование выгодным образом [3, р. 177–178]. Садкович выделяет четыре положения, определяющие текущий нарратив о хорватско-мусульманской войне. Во-первых, это возведение мусульманам БиГ своей истории к средневековым королевствам Боснии. Во-вторых, сохраняется идеализация мирного сосуществования сербов, хорватов и мусульман в рамках СРБиГ. В-третьих, мусульмане позиционированы в качестве жертв

сербской и хорватской агрессии, поощряемой международным сообществом. В-четвертых, Туджман признается радикальным националистом, в письменных работах, публичных выступлениях и решениях которого нашла выражение идея создания этнически чистого хорватского государства, включающего все регионы проживания хорватов [15, р. 230].

Садкович не соглашается ни с одним из пунктов, потому что в действительности СРБиГ не была гармоничной республикой трех наций и являлась непростым для управления районом [15, р. 232]. При этом он признает: каждый из участников кризиса стремился заручиться поддержкой мирового сообщества, и Туджман не был исключением, но он не являлся инициатором агрессии, так как хронология военных конфликтов и свидетельства МТБЮ показывают, что начало столкновений спровоцировала сербская сторона [15, р. 233–234]. Историк пишет: «За редкими исключениями Туджман и другие современные хорватские националисты были светскими и либеральными; они стремились реинтегрировать Хорватию в западную демократическую систему после десятилетий в однопартийном коммунистическом государстве... Не был он и милитаристом, он предпочитал дипломатию войне» [15, р. 235–236]. Во всяком случае, дипломатическая почва была подорвана после принятия новой хорватской конституции в декабре 1990 г., которая исключила сербов из государственного партнерства с хорватами, низведя их до статуса меньшинства, и подготовила почву для одностороннего выхода из Федерации [11]. Если бы оказавшееся у власти Хорватское демократическое содружество Туджмана стремилось избежать войны, оно бы предоставило сербам культурную автономию, но его лидер «стремился к созданию этнически чистой Хорватии» [8, с. 153]. В его выступлении 24 мая 1991 г. сказано: «Войны могло бы и не быть, если бы Хорватия этого не хотела. Но мы оценили, что только посредством войны можем добиться самостоятельности Хорватии. Поэтому мы проводили политику переговоров, а сами создавали свои вооруженные отряды» [8, с. 153].

Роль в боснийском кризисе является важным компонентом в образе Туджмана как инициатора распада Югославии, поэтому неудивительно, что его защитники уделяют пристальное внимание хорватско-мусульманскому конфликту. Ю. Кришто в статье «Деконструируя миф: Франьо Туджман и Босния и Герцеговина» заявляет, что Босния и Герцеговина представляла интерес для Туджмана, так как затрагивала исторические и геополитические интересы Хорватии и являлась ключом к мирному решению

югославского кризиса [18, р. 39–40]. Его выводы совпадают с убеждением Садковича в том, что главным виновником кровопролития была Сербия, однако он обращает более пристальное внимание на действия Изетбеговича, который предпочел остаться в стороне от наступления сербов на хорватов и, воспользовавшись ситуацией, взял курс на создание собственного национального государства [18, р. 43–44]. Неизбежность войны заставила босняков пойти на сотрудничество с хорватами, но взаимное недоверие затрудняло переговоры, и, как показала история, благодаря этому Изетбегович выигрывал время для подготовки атаки на хорватские территории в Боснии и Герцеговине [18, р. 51].

Так же, как и Садкович, Кришто указывает на предвзятое отношение Запада к Хорватии, но его наблюдения касаются роли, которую западные политики отводили боснийским хорватам. По его мнению, поддерживая создание независимой Боснии и Герцеговины и понимая, что по своему характеру она будет мусульманской, «некоторые европейские страны и США использовали хорватов в Боснии и Герцеговине, чтобы сохранить видимость того, что то, что осталось от Боснии и Герцеговины, не является мусульманским государством» [18, р. 64]. Идея мирного урегулирования вопроса не нашла поддержку, и хорватское меньшинство БиГ стало объектом манипуляции. Его зависимость от политических решений Туджмана предопределила вовлеченность Хорватии в конфликт.

Если для риторики Садковича и Кришто характерна тема «вероломства» босняков в отношении хорватов, то у Й. Лучича, автора статьи «Взгляд из Боснии и Герцеговины на “боснийскую политику” Франьо Туджмана», присутствует мотив их «неблагодарности»: «Это следует рассматривать в контексте политической равноудаленности Изетбеговича (боснийца-мусульманина) или его позиции, что сербы и хорваты одинаковы. Только так можно понять отказ Изетбеговича от подписания военного соглашения между Боснией и Герцеговиной и Хорватией и тот факт, что он приравнивал хорватов и сербов политически и любым другим способом, даже в то время (летом 1992 г.), когда сербы убивали и изгоняли мусульман, а хорваты спасали их и предоставляли им убежище» [19, р. 78]. Тем не менее все три историка согласны, что стремление Изетбеговича создать унитарное мусульманское государство превратило боснийских хорватов в жертву политики. Садкович, Кришто и Лучич сходятся во мнении, что мирная и равноправная СБиГ являлась исключительно идеологическим конструктом, но Лучич заходит дальше и объясняет, что в силу

объективных и субъективных причин эта модель была нежизнеспособна изначально. Так, для сербов «политический сербианизм был компенсирован югославиизмом», что позволяло им проводить выгодную для себя политику на федеральном уровне, а мусульмане, в свою очередь, имели поддержку из центра и считали СРБиГ «своей национальной республикой» [19, р. 69]. Хорваты же лишались права отстаивать свои интересы: любое выступление в защиту идентичности ассоциировалось с возрождением усташества и стремлением восстановить НГХ. Поэтому, по мысли Лучича, появление Туджмана и его риторика были восприняты босняками как прямая угроза их политическим притязаниям, и медийный образ хорватского лидера создавался ими по канону, заданному западными медиа: переговоры с Милошевичем в Караджорджево в 1991 г. были названы «сговором», и оба были обвинены в распаде Югославии.

Образу Туджмана как радикального националиста, стремившегося к уничтожению Югославии и к созданию этнически однородной Хорватии, местные историки противопоставляют образ Туджмана – защитника национальных интересов своего народа. В этом отношении представляет интерес статья Д. Кнежевича и Ю. Михальевича «Политические процессы против Франьо Туджмана в Социалистической Федеративной Республике Югославия». Рассмотрев причины возбуждения дел, состав обвинений и изучив доступные судебные документы, авторы пришли к выводу, что процессы 1972 г. и 1981 г. были сфабрикованы и протекали с нарушением законности, а вердикты по ним были вынесены еще до их начала. Цель таких судов заключалась не в декларируемой защите государственного порядка, а в подавлении оппозиции, что было напрямую связано с национальным вопросом в Югославии [20, р. 355–356]. В конце 1960–1970-х гг. наметилось два подхода к его разрешению через организацию политического устройства: централистский, сторонниками которого выступали сербы, и федералистский, предлагавшийся хорватами и словенцами. Хорватов в их намерениях поддерживала эмиграция, за связи с которой Туджман был, помимо прочего, обвинен в международном сговоре против Югославии [20, р. 365, 371]. Вопрос о финансовой поддержке, которую хорватские эмигранты оказывали Хорватии, вызывает большой интерес. Например, А.А. Пивоваренко считает, что это было взаимовыгодное сотрудничество, так как «Туджман получал шанс стать главной фигурой, а поддерживавшие его лица – возможность влиять на политические процессы в Хорватии» [4, с. 604–

605]. Однако обвинение в сговоре с эмиграцией являлось только одним из перечня, и, хотя в обоих процессах Туджман был признан виновным, приговоры были обжалованы. Его популярность возросла. В глазах хорватского общества он стал борцом за права, а испытанные им притеснения – олицетворением «незавидного положения хорватов» [20, р. 375]. Таким образом, для Кнежевича и Михальевича судебные процессы 1972 г. и 1981 г. служат доказательством, что национальный вопрос в коммунистической Югославии замалчивался, а любые освободительные движения подавлялись. «Хорватская весна», например, оценивалась как попытка уничтожить социалистическую систему.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод об откровенном парадном портретировании Франьо Туджмана как «отца нации» в трудах Хорватского института истории, опубликованных в его журнале *Review of Croatian History*.

Во-первых, последовательно отождествляются образ страны и ее первого президента как лучшего сына хорватского народа, защитника и выразителя его устремлений.

Во-вторых, в трудах хорватских историков громко звучит «оправдательная» нота. Туджман был националистом только потому, что не мог не быть им в условиях, когда национальный вопрос определял политику в целом [15, р. 234]. Стратегия оправдания особенно заметна в двух эпизодах: коллаборационизм и террор усташей в НГХ и «караджорджевский миф». В первом случае оправданием служит авторитаризм короля Александра, во втором – необходимость защиты представителей своей нации в условиях, когда сербы и мусульмане были настроены к ним враждебно. Указанные сюжеты представляют собой уязвимые места новейшей хорватской истории и вызывают защитную реакцию.

В-третьих, неотъемлемым элементом официального дискурса также является мотив «жертвы», которой стали и Туджман, и соответственно Хорватия. Однако противоположной им стороной являются не «преступники», а «заговорщики» – западные журналисты, эксперты и политики, проводившие якобы антихорватскую линию.

В-четвертых, следует отдельно выделить «мотив предубеждений», который присутствует и у Садковича, и у Кришто, Лучича, Скендровича, Кнежевича и Михальевича. Все они считают, что Туджман и Хорватия оказались заложниками негативных стереотипов, которые влияли на необъективное восприятие и формировали презумпцию виновности: «Хорватские лидеры, как и Хорватия и хорваты в целом, долгое время страдали от негативного имиджа за

границей, задолго до того, как Туджман стал президентом страны в 1989 г.» [5, р. 257]. Американские и британские журналисты изначально помещали Туджмана в один ряд с Йосипом Елачичем, Степаном Радичем, Анте Павеличем. Если его сравнивали не с хорватскими лидерами иных времен, то он оказывался в компании со Слободаном Милошевичем, Радованом Караджичем или Воиславом Шешелем [19, р. 70].

Безусловно, журнал *Review of Croatian History* является лишь одним из рупоров, через который научное сообщество Хорватии транслирует свои взгляды на новейшую историю страны. Тем не менее рассмотренные публикации и выявленные в них тенденции заставляют задуматься. Является ли персонификация Хорватии в лице Туджмана и его оправдание как защитника ее национальных интересов ядром современного хорватского национализма? Если так, то не означает ли это, что следующим шагом может стать полное оправдание действий хорватских военачальников, осужденных МТБЮ? Некоторые исследователи отмечают, что глорификация военных лидеров уже присуща хорватским националистам. Например, в начале 2000-х гг. в хорватском городе Синь во время одного из праздников появились демонстранты, державшие баннер «Все мы Мирко Норац» [21, р. 70]. Конечно, это радикальное проявление, по которому невозможно судить об общей картине, однако стратегия «оправдания» в целом имеет большой потенциал. В доминирующей памяти о войнах на территории бывшей Югославии каждая из сторон конфликта эксплуатирует статус жертвы, виктимизируя себя в отношениях с соседом-агрессором или защищаясь идеей «предубеждения» со стороны международного сообщества.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

Список литературы

1. Biondich M. «We Were Defending The State»: Nationalism, Myth, and Memory in Twentieth-Century Croatia // *Ideologies and National Identities The Case of Twentieth-Century Southeastern Europe* / Ed. by Lampe J.R., Mazower M. Budapest, New York, 2004. P. 54–109.
2. Smith A.D. *Gastronomy or Geology? The Role of Nationalism in the Reconstruction of Nations* // *Myth and Memories of the Nation*. Oxford, 1999. P. 163–186.
3. Majstorovic S. *Ancient Hatreds or Elite Manipulation? Memory and Politics in the Former Yugoslavia* // *World Affairs*. 1997. Vol. 159. № 4. P. 170–182.
4. Пивоваренко А.А. Становление Ф. Туджмана как лидера движения за независимое хорватское государство // *Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности (конец 60-х – 80-е гг. XX в.)*. М., 2014. С. 596–608.

5. Sadkovich J.J. Patriots, Villains, and Franjo Tuđman // *Review of Croatian History*. 2006. Vol. 2. № 1. P. 247–280.
6. Review of Croatian History // HRČAK: Portal of Croatian Scientific and Professional Journals / [Zagreb, 2005–]. URL: <https://hrcak.srce.hr/review-of-croatian-history?lang=en>. (дата обращения: 14.07.2019).
7. Sadkovich J.J. Tuđman: prva politička biografija. Zagreb: Večernji Posebni Proizvodi, 2010. 435 s.
8. Гуськова С.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский Национальный Фонд, 2001. 720 с.
9. Kaplan R. *Balkan Ghosts: A Journey Through History*. New York: St. Martin's Press, 1993. 307 p.
10. Sadkovich J.J. Forging Consensus: How Franjo Tuđman Became an Authoritarian Nationalist // *Review of Croatian History*. 2010. Vol. 6. № 1. P. 7–35.
11. Волков В.К. «Новый мировой порядок» и балканский кризис 1990-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VOLKOV.HTM> (дата обращения: 01.08.2019).
12. Đurašković S. Nation-building in Franjo Tuđman's Political Writings // *Croatian Political Science Review*. 2014. Vol. 51. № 5. P. 58–79.
13. Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge: Canto, 1991. 218 p.
14. Skenderović R. Great Scholarly Authorities and Small Nations – the Formation of Historical Narratives on Franjo Tuđman and the Homeland War // *Review of Croatian History*. 2015. Vol. 14. № 1. P. 121–137.
15. Sadkovich J.J. Franjo Tuđman and the Muslim-Croat War of 1993 // *Review of Croatian History*. 2006. Vol. 2. № 1. P. 207–245.
16. *Balkan Insight* / [Belgrade, 2004–]. URL: <https://balkaninsight.com>. Blackwell Publishing (дата обращения: 31.07.2019).
17. Tanner M. *Croatia: A Nation Forced in War*. New Heaven and London: Yale University Press, 1997. 384 p.
18. Krišto J. Deconstructing a Myth: Franjo Tuđman and Bosnia and Herzegovina // *Review of Croatian History*. 2010. Vol. 6. № 1. P. 37–66.
19. Lučić J. The View from Bosnia and Herzegovina on Franjo Tuđman's «Bosnian policy» // *Review of Croatian History*. 2010. Vol. 6. No 1. P. 67–84.
20. Knežević D., Mihaljević J. Political Trials against Franjo Tuđman in Socialist Federal Republic of Yugoslavia // *Review of Croatian History*. 2010. Vol. 6. № 1. P. 353–381.
21. Racivic S. We Are Not Like Them: Denial of the Other in Serbia, Croatia and Bosnia-Herzegovina // *Nation-States and Xenophobia: In the Ruins of Ex-Yugoslavia* / Ed. by Pajnik M. and Kuzmanic T. Ljubljana: Peace Institute, 2005. 98 p.

CANNOT BE PUNISHED: FRANJO TUĐMAN IN THE EYES OF CROATIAN HISTORIANS
(based on the materials of the «Review of Croatian History» journal)

S.V. Kuznetsova

The history of independent Croatia is inextricably linked with the name of Franjo Tuđman, its first president. In the works of post-Yugoslav, primarily Serbian, historians, their Western colleagues, and Russian scholars, he is blamed for radical nationalism, the collapse of Yugoslavia, and the horrors of the bloody conflicts that followed. Among those who defend him are the authors of the «Review of Croatian History» journal published by the Croatian Institute of History. An analysis of their work allows us to get an idea of the historiographic narrative that has been created about Tuđman in Croatia in recent decades.

Keywords: politics of history, Croatia, Franjo Tuđman, countries of the former Yugoslavia

References

1. Biondich M. «We Were Defending The State»: Nationalism, Myth, and Memory in Twentieth-Century Croatia // *Ideologies and National Identities The Case of Twentieth-Century Southeastern Europe* / Ed. by Lampe J.R., Mazower M. Budapest, New York, 2004. P. 54–109.
2. Smith A.D. *Gastronomy or Geology? The Role of Nationalism in the Reconstruction of Nations // Myth and Memories of the Nation*. Oxford, 1999. P. 163–186.
3. Majstorovic S. Ancient Hatreds or Elite Manipulation? Memory and Politics in the Former Yugoslavia // *World Affairs*. 1997. Vol. 159. № 4. P. 170–182.
4. Pivovarenko A.A. Stanovlenie F. Tudzhmana kak lidera dvizheniya za nezavisimoe horvatskoe gosudarstvo // *Inakomyslie v usloviyah «real'nogo socializma»*. Poiski novoj gosudarstvennosti (konec 60-h – 80-e gg. XX v.). M., 2014. S. 596–608.
5. Sadkovich J.J. Patriots, Villains, and Franjo Tuđman // *Review of Croatian History*. 2006. Vol. 2. № 1. P. 247–280.
6. Review of Croatian History // HRČAK: Portal of Croatian Scientific and Professional Journals / [Zagreb, 2005–]. URL: <https://hrcak.srce.hr/review-of-croatian-history?lang=en>. (дата обращения: 14.07.2019).
7. Sadkovich J.J. Tuđman: prva politička biografija. Zagreb: Večernji Posebni Proizvodi, 2010. 435 s.
8. Гуськова С.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский Национальный Фонд, 2001. 720 с.
9. Kaplan R. *Balkan Ghosts: A Journey Through History*. New York: St. Martin's Press, 1993. 307 p.
10. Sadkovich J.J. Forging Consensus: How Franjo Tuđman Became an Authoritarian Nationalist // *Review of Croatian History*. 2010. Vol. 6. № 1. P. 7–35.
11. Волков В.К. «Новый мировой порядок» и балканский кризис 1990-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VOLKOV.HTM> (дата обращения: 01.08.2019).
12. Đurašković S., Nation-building in Franjo Tuđman's Political Writings // *Croatian Political Science Review*. 2014. Vol. 51. № 5. P. 58–79.

13. Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge: Canto, 1991. 218 p.
14. Skenderović R. Great Scholarly Authorities and Small Nations – the Formation of Historical Narratives on Franjo Tuđman and the Homeland War // Review of Croatian History. 2015. Vol. 14. № 1. P. 121–137.
15. Sadkovich J.J. Franjo Tuđman and the Muslim-Croat War of 1993 // Review of Croatian History. 2006. Vol. 2. № 1. P. 207–245.
16. Balkan Insight / [Belgrade, 2004–]. URL: <https://balkaninsight.com>. Blackwell Publishing (data obrashcheniya: 31.07.2019).
17. Tanner M. Croatia: A Nation Forced in War. New Heaven and London: Yale University Press, 1997. 384 p.
18. Krišto J. Deconstructing a Myth: Franjo Tuđman and Bosnia and Herzegovina // Review of Croatian History. 2010. Vol. 6. № 1. P. 37–66.
19. Lučić J. The View from Bosnia and Herzegovina on Franjo Tuđman's «Bosnian policy» // Review of Croatian History. 2010. Vol. 6. No 1. P. 67–84.
20. Knežević D., Mihaljević J. Political Trials against Franjo Tuđman in Socialist Federal Republic of Yugoslavia // Review of Croatian History. 2010. Vol. 6. № 1. P. 353–381.
21. Racivic S. We Are Not Like Them: Denial of the Other in Serbia, Croatia and Bosnia-Herzegovina // Nation-States and Xenophobia: In the Ruins of Ex-Yugoslavia / Ed. by Pajnik M. and Kuzmanic T. Ljubljana: Peace Institute, 2005. 98 p.